

В. Н. Тимошук

К проблеме хронологии киевских древностей

вопросы типологии и хронологии материала традиционные для археологических публикаций, методическое обеспечение операций в последнее десятилетие стали приоритетными среди специалистов, изучающих древности разных эпох и регионов [1-5].

Несколько иная ситуация сложилась, как свидетельствует историографический анализ, в археологии Киева — древнерусского и позднесредневекового времени. Принимаемое всеми положение о необходимости типологического и хронологического анализа материала не реализовалось в виде самостоятельной шкалы киевских (и шире — южнорусских) древностей, хотя еще в 70-е годы с началом ширококомасштабных исследований на Подоле со всей ясностью сложившейся ситуации отмечалось, что «обобщенное датирование многих категорий археологических источников все еще не дает возможности использовать их в полной мере для исторических реконструкций» [6, с. 56]. Однако уже тогда одновременно с публикацией первых добытых материалов был сделан акцент на абсолютном датировании источника, минуя стадию относительной хронологии. Задача, которую, оценив все преимущества стратиграфии Подола, сформулировал П. П. Толочко — «создать реальную шкалу относительной хронологии» [7, с. 30] — осталась пока не решенной. Характерной особенностью датирования комплексов и объектов Верхнего (особенно) и Нижнего города является использование диапазона в одно-два столетия.

Анализ вышедшей за последние два десятилетия литературы свидетельствует о почти полном отсутствии публикаций методического характера по вопросам типологии и хронологии, показательным представляется нам и отсутствие работ дискуссионного характера по вопросам методики. Невнимание к собственно «вещеведческим» задачам исследования, отсутствие (выпадение) логического звена рассуждений (отбор и оценка возможностей источника, обоснование операций и их этапность, проверки результатов) часто оставляют предложенные выводы на уровне наблюдений и первичных впечатлений. Имеющиеся объяснения сложившейся ситуации можно дополнить следующими положениями.

1. Тезис о единстве материальной культуры Древней Руси, в значительной степени верный на уровне исторических реконструкций и интерпретаций, на этапе анализа археологических источников имел следствием недостаточное внимание к разработке региональных систем типологии и хронологии основных категорий археологического материала. Новгородская шкала древностей остается почти единственным эталоном для аналогий, и это при значительной отдаленности северного региона, а также невыясненности моментов запаздывания или опережения в появлении и бытовании отдельных категорий вещей. М. Ю. Лесман установил, что

хронологически значимые типы новгородского инвентаря, вещей конца X–XIV вв. не являются таковыми вне границ Новгородской земли — на территории Смоленской, Владимиро-Суздальской земель, Эстонии и Карелии [8, с. 313]. Сказывается, по-видимому, также и недостаточная теоретическая разработка метода аналогии, способа, границ и условий его применения.

2. Акцентирование внимания на вопросах абсолютной хронологии во многом обусловлено также историзацией археологических публикаций, решением вопросов в большей мере исторического (интерпретационного) плана. Обнаруженные вещевые комплексы главным образом рассматривались как источники для характеристики киевского ремесла (номенклатура изделий, инструментарий, технологические приемы и т. д.) или же как бытовой инвентарь, свидетельство связей и обмена. Показательным подтверждением справедливости данного тезиса является отсутствие в библиографическом указателе [9] и в коллективной итоговой монографии [7] разделов «Хронология». Вещевые комплексы рассмотрены здесь в разделах «Ремесленное производство». Без хронологических и типологических разработок анализ ремесленных отраслей дал статичную, во многом обобщенную картину, тонкие качественные изменения остались почти незамеченными.

Несомненно, сложившееся положение осознается почти всеми археологами, исследующими киевские (шире — южнорусские) древности, и первые попытки в создании типологических и хронологических шкал уже состоялись [10–14]. Однако сформулированные еще на рубеже 70–80-х гг. проблемы и задачи изучения массового материала остаются актуальными. Особенно остро ощущается необходимость в создании относительной хронологии киевских древностей, выявлении горизонтов синхронных комплексов и объектов, типологическом анализе вещевого материала, локализации его на хронологической шкале. Имеющиеся традиционные апробированные методы и появляющиеся новые, дискуссионные, вполне обеспечивают методическую корректность решений стоящих задач, последовательность и логическую чистоту рассуждений. Представляется перспективным обращение к разработкам специалистов по культурам эпохи Латена и Римского времени [4; 5].

Создание относительной хронологии киевских древностей стало вполне реальным с началом широкомасштабных работ на Подоле, ведущихся уже больше двух десятилетий. Если на первом этапе исследования раскопки велись на горизонтах X–XI вв., то в последние десять лет изучались в основном комплексы середины XI–XIII вв. Сегодня можно констатировать окончание этапа первичного накопления материала и начало второго — углубленный анализ источников и введение их в научный обиход (что в первом приближении сделано уже в монографическом исследовании М. А. Сагайдака [12]). Являясь эталонным памятником с вертикальной стратиграфией, Киевский Подол может стать основной базой для разработки хронологической (в первую очередь — относительной) шкалы киевских древностей X–XIII вв., своеобразным полигоном совершенствования и развития стратиграфических методов [12, с. 65; 15, с. 11].

Если для горизонтов X–середины XI вв. Подола уже существует дендрошкала абсолютного датирования и трудностей с датировкой объектов и комплексов вроде бы не должно быть, то для этих же горизонтов Верхнего города ее значение почти минимально; проблемы хронологии комплексов середины XI–XIII вв. для обеих частей города остаются далекими от решения. Характерно, что в публикациях материалов исследований почти не проводилась корреляция и синхронизация комплексов, хотя априорно всеми принимается тезис о типологическом и хронологическом единстве вещевого материала, общих закономерностях его эволюции, обусловленных единым историко-культурным контекстом. Может быть, создание относительной хронологии древностей на базе подольской стратиграфии в первую очередь важнее для Верхнего города, где вещевые комплексы значительно богаче и разнообразнее.

Решение задачи по созданию относительной хронологии киевских древностей перспективней и реальнее всего, как нам кажется, следует начинать с изучения кухонной керамики как источника, присутствующего в культурном слое на всю глубину его залегания и, по общему признанию специалистов, несущего богатую хронологическую информацию [16, с. 3]. Для всего культурного слоя Верхнего города и для подольских горизонтов второй половины XI–XIII вв., где древесина не сохраняется и возможности дендрохронологии сильно ограничены, именно керамика является основным датирующим материалом.

Как и остальные категории массового материала из Киева, кухонная керамика изучена также еще недостаточно. Известная типология и хронология ее, разработанная П. П. Толочко в начале 80-х годов, остается пока еще почти единственной попыткой в решении этой задачи [7, с. 298–301]. Предложенная таблица и четыре типа дают общую картину эволюции кухонной керамики во времени через распространение ее в культурном слое по вертикали (сам принцип подхода, естественно, возражений не вызывает), однако ряд вопросов (время появления, бытования и исчезновения типов (вариантов), сочетание сосуществующих типов, корреляция комплексов с вещевыми находками и т. д.) — все это требует дополнительного изучения.

Все ведущие специалисты подольской археологии [12, с. 84; 15, с. 11], учитывая особую структуру подольского культурного слоя — наличие стерильных прослоек песка, супеси, суглинка — считают горизонты закрытыми комплексами (далее в тексте ЗК — В. Т.). Естественно, такая формулировка не вызывает возражений до тех пор, пока горизонт рассматривается как ЗК для объектов и сооружений — перекрывающая стерильная прослойка гарантирует одновременность упокоения, подстилающая указывает на одновременность появления и синхронность бытования. Но горизонт подольского слоя, кроме двух случаев (ниже мы их рассмотрим), не является закрытым комплексом для вещей. Для ЗК-горизонта главным требованием является его изоляция снизу, от более ранних объектов, где уже состоялся (произошел) момент упокоения. Таким образом, закрытость, замкнутость снизу должна гарантировать непопадание чужого, более раннего. Попадание чужого (более позднего) сверху легко прослеживается по перекопам, и его изъятие гарантируется грамотной полевой работой. Изъятие в результате перекопов части материала из горизонта нарушает его полноту, однако не влияет на синхронность упокоенных здесь вещей. Это происходит, когда перекопы (для Подола их площадь на раскопе иногда составляет 30–40%) значительно глубже, чем мощность подстилающей прослойки и в результате на горизонте оказываются вещи из более ранних комплексов. И таким образом, в большинстве случаев открывающаяся нам картина сосуществования типов керамики отражает не реальное сосуществование сосудов на горизонте, а совместное залегание венчиков на момент их обнаружения в процессе раскопок. Только в двух случаях горизонты могут рассматриваться как ЗК и весь вещевой материал гарантированно берется как синхронный: а) первый горизонт культурного слоя, лежащий на материке; б) горизонт, лежащий на мощной стерильной прослойке, когда глубина перекопов меньше этой мощности. Как видим, в обоих случаях гарантируется чистота комплексов снизу, от попадания чужого, более раннего материала. Во всех остальных случаях горизонты подольского слоя — это открытые комплексы (ОК) для вещей, и привлечение керамики для типологических и хронологических построений требует особых методов и оговорок. Хотя бесспорно, что горизонт ОК содержит в себе в основном одновременный материал, но пока мы не можем его выделить из всего встреченного и, таким образом, методически некорректно, спорно будет рассматривать весь вещевой материал как синхронный, даже при незначительной площади перекопов.

Для создания относительной хронологии киевской кухонной керамики на первом этапе исследования рекомендуется привлечение керамики только из закрытых

комплексов, количество которых на сегодня уже достаточно для обоснованных построений. В наших условиях таковыми будут поды печей с керамической вымосткой (обязательное условие — восстанавливаемые сосуды, случайные венчики исключаются) — одно- и многослойные, керамика из печного развала, из предпечных ям, с уровня пола (если он четко прослежен стратиграфически), из объектов, где сохранилось перекрытие, из редко встречающихся на Подоле выгребных ям, вся керамика из ЗК-горизонта и связанных с ним объектов и сооружений. Несомненно, сюда же привлекается керамика из горизонта, представленная развалами сосудов. Методическое обоснование отбора источника, его возможностей представляется обязательным, хотя сам метод работы только с ЗК давно апробирован и его эффективность не подлежит сомнению. Важное достоинство такой методики заключается в отпадении необходимости привлекать накопившиеся десятки тысяч фрагментов керамики, дублирующих заложенную в них информацию, а зачастую являющихся еще и источником искаженных представлений.

В основу разрабатываемой типологии могут быть положены уже существующие и ставшие привычными стилистические визуально-выразительные определения, как-то: «манжет», «валик», «клюв» и т. д., однако хронологические акценты и задачи исследования должны быть обеспечены более дробной, мелкоячеистой (тип, вариант, модификация) систематизацией материала. Выделение культурно-исторических типов кухонной керамики предварительно, на этапе разработки относительной хронологии, как нам кажется, невозможно и в этом нет необходимости, это задача второго этапа исследования керамики, когда, по всей видимости, нужно расширить арсенал привлекаемых методик (использование мерных признаков, технологические приемы формовки сосудов, физико-химические характеристики и т. д.). Сегодня же, решая задачи предварительной (начальной) систематизации материала и учитывая, что «конфигурация венчика, наряду с технологическими приемами несут в себе наиболее существенную информацию о хронологии» [14, с. 12], в основу членения материала может быть положен используемый в большом количестве работ «принцип контурности», то есть геометрия поперечного разреза венчика. Как отмечала Р. М. Грановская, «контур представляет собой наиболее информативную часть зрительного объекта», а «первой операцией обработки зрительного объекта является выделение контура» [17, с. 267]. В нашем случае контур венчика описывается геометрическими фигурами (полуoval, треугольник, трапеция, сектор и т. д.) или их сочетанием. Описание на вербальном уровне дополняется рисунком образца. Представляется необходимым «принцип контурности» дополнить (сочетать) с технологическим приемом формовки завершения верхнего края сосуда, что подчас выступает хронологически значимым или датирующим признаком [18, с. 56, 59].

Для создания типологических построений и понимания хронологических этапов развития керамики необходимо учитывать следующее положение, вытекающее из наблюдений за эволюцией типов кухонной керамики в период с X по XVIII вв. В этом отрезке времени четко прослеживается действие двух тенденций и, следовательно, два различных периода. Первая — это тенденция к изменениям, инновациям, появлению нестереотипного, нетрадиционного, где четко господствует фактор случайности. Действие ее прослеживается в X–XI и с конца XIV–XVI вв. Это периоды (циклы) отбора, для них характерно резкое несовпадение типологических и хронологических стадий. Керамика этого периода обладает наибольшей хронологической информативностью, здесь возможно выявление хронологических индикаторов в материале (сами типы или их сочетания). Вторая идет вслед за первой — тенденция к устойчивости, равновесию, замедлению процессов, здесь, по-видимому, господствует фактор обоснованного, стереотипного действия, случайные элементы предыдущего периода иногда трансформируются в норму. Это период стабильности, формирующейся или уже готовой традиции —

в нашем случае это XII— середина XIV вв. и XVII—XVIII вв. Снижается хронологическая информативность керамики, или, по крайней мере, увеличиваются хронологические этапы изменений, в этом периоде типологические изменения могут, замедляясь, тоже не совпадать с хронологическими (в первом периоде они, ускоряясь, их опережают). Следствием действия этой тенденции есть уменьшение количества типов керамики, трудно уловить узкие хронологические индикаторы. По-видимому, для второго периода нужно менять методику работы с источником. а также ожидать, что хроноиндикаторами могут быть другие признаки или их сочетания. Без учета действия этих тенденций, существования соответствующих им периодов, а также переходных этапов, фиксирующих угасание, исчезновение одних типов и трансформацию, эволюцию или внезапное появление других, понимание выявленных хронологических этапов, заключенных в них изменений, тенденций будет значительно затруднено.

Ограниченные размеры статьи, к сожалению, не позволяют детально остановиться на самой процедуре, порядке операций с источником, определить их эвристические возможности. Заметим, что кажущаяся простота стратиграфического метода, когда генеральный принцип его — вертикальное расположение древностей в земле отражает их хронологическую последовательность — не дополняется рядом конкретных методик, на практике может обернуться широким кругом заблуждений: от неправильного выбора источника до ложных выводов и суждений. Поэтому предварительного анализа и логического обоснования требует и сама процедура операций с источником: керамика из ЗК (построение стратиграфических колонок в пределах раскопа, квартала, района; выделение хронологических горизонтов синхронных комплексов; построение корреляционных таблиц); керамика из ОК (построение колонок новых появлений на базе ЗК-горизонта; выявление горизонтов с устойчивыми максимумами отдельных типов); операции по установлению этапов относительной хронологии.

Абсолютная датировка комплексов и этапов хронологии в значительной степени затруднена немногочисленностью находок с узкими датами (особенно в закрытых комплексах) и поэтому представляется задачей и процедурой не одного момента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА.— 1984.— № 1.
2. Могильники черняховской культуры.— М., 1979.
3. Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э.— Кишинев, 1986.
4. Щукин М. Б., Щербачева Т. А. К хронологии могильника Данчены // И. А. Рафалович. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э.— Кишинев, 1986.
5. Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени.— СПб., 1992.
6. Сагайдак М. А. До питання абсолютного датування археологічного матеріалу стародавнього Києва // Археологічні дослідження стародавнього Києва.— Київ, 1976.
7. Новое в археологии Киева.— Киев, 1981.
8. Лесман Ю. М. Этюд об украшениях // Л. С. Клейн: Археологическая типология.— Л., 1991.
9. Советская литература по истории Древнего Киева 1918—1983.— Киев, 1984.

10. *Толочко П. П.* Гончарное дело // Новое в археологии Киева.— Киев, 1981.
11. *Кучера М. П.* Керамика // Археология Украинской ССР.— Киев, 1986.— Т. 3.
12. *Сагайдак М. А.* Давньокиївський Поділ.— Київ, 1991.
13. *Козловський А. О.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст.— Київ, 1992.
14. *Петрашенко В. А.* Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика.— М., 1992.
15. *Толочко П. П.* Исследования культурного слоя // Новое в археологии Киева.— Киев, 1981.
16. Древнерусская керамика.— М., 1992.
17. *Бианки А. М.* Этюд о «кинжалах» // Л. С. Клейн. Археологическая типология.— Л., 1991.
18. *Виногородська Л. І., Петрашенко В. О.* Нові дослідження давньоруського поселення неподалік с. Григорівка на Дніпрі // Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округу в IX–XIII ст.», Чернігів, 15-18 травня 1990 р.— Чернігів, 1993.

Summary

Correctness and reliability of historical reconstructions based on the archaeological sources is provided to the great degree by accuracy and objectivity of chronological definitions and their methodical maintenance. The number of chronological elaborations in the studying of Kiev ancient things during last decades was greatly decreased, the chronological scale of Kiev ancient things doesn't created yet. In the published works the stress layed on the absolute dates, creation of the relative scale doesn't formulated as a task. In this paper different aspects of this problem situation are considered and concrete methods for the solution of these tasks by means of investigation of ceramics from the assemblages are proposed.